

В первое время после жатвы Вэй Цю днями напролет просушивал зерно во дворе, а Шинань, закинув мотыгу на плечо, отправлялся перекапывать освободившееся поле. Как только земля «отдохнет» несколько дней, можно будет высаживать рассаду батата. В деревне всегда так: едва заканчиваешь с одной культурой, как тут же наступает черед следующей...

В деревне почти все уже управились с пшеницей. В каждом доме молотили и сушили зерно. У кого двор большой — сушили дома, у кого маленький — занимали место на общем току. На току за зерном присматривали строго: и днем, и ночью кто-то из домашних оставался там на дежурстве, опасаясь бесчестных воришек, у которых совести нет...

В разгар лета полуденное солнце палило всё нещаднее. Вэй Цю, невзирая на зной, ворошил пшеницу во дворе. Крупные капли пота катились по его лбу, а лицо покраснелось от жары.

Каждый раз, когда он проходил по зерну бамбуковыми граблями, ему казалось, что кожа вот-вот лопнет от солнечного жара. Утерев пот, он присел отдохнуть под деревом, а затем пошел готовить обед.

Из-за жары аппетита совсем не было, поэтому он приготовил простые «три острые нити» (холодная закуска из соломки овощей) — легкое и пробуждающее аппетит блюдо. Заранее он томил суп из восковой тыквы со свиными ребрышками: такой бульон отлично утоляет жажду, полезен для легких и совсем не жирный.

Когда еда была готова, Вэй Цю вышел к воротам позвать Шинаня. Этот упрямец в такой солнцепек даже не догадался вернуться пораньше.

Шинань пришел с пунцовым от солнца лицом и тут же получил нагоняй от сурового Вэй Цю. Шинань сидел на каменной скамье тише воды, ниже травы, пока муж ворчал на него, нежно вытирая его лицо мокрым полотенцем, чтобы охладить кожу...

— Работы в поле не убегут! Я же говорил: как солнце припечет — возвращайся! А ты стоишь там, голову подставил! Глупый, что ли?

Шинань слушал ворчание мужа с затаенной улыбкой — на душе у него было тепло. Но виду не подавал, лишь покорно отвечал: — Понял, завтра вернусь пораньше!

Закончив «воспитательную беседу», они сели обедать. Вэй Цю положил Шинаню полную миску ребрышек. Суп как раз остыл до приятной температуры...

Вдохнув ароматный пар, Шинань сделал большой глоток. Восковая тыква была нежной и сладкой, мясо на ребрышках само отходило от костей. Всё это вместе с острой закуской так раззадорило аппетит, что Шинань с удовольствием уплет две большие чашки риса.

После обеденного сна каждый занялся делом. Вэй Цю собирал овощи на заднем дворе — урожай был такой богатый, что грядки едва не ломились: баклажаны, фасоль, люффа, редька, перец, капуста и разные виды тыкв — съесть всё свежим было невозможно! Пришлось мариновать всё, что поддавалось засолке.

В такую жару кислые домашние соленья к жидкой каше — самое милое дело. Шинань тем временем в амбаре надстраивал деревянные настилы повыше, чтобы зерно не отсырело от земли.

Как только рассада батата была высажена, во второй половине дня внезапно налетела гроза. Поднялся шквалистый ветер, загремел глухой гром...

Супруги со всех ног бросились укрывать пшеницу, а затем побежали к бабушке Мэн — боялись, что старушка не успеет вовремя убрать свое зерно. К счастью, когда упали первые капли, всё деревенское зерно уже было надежно спрятано!

А вот семье Чэн не повезло. В этом году у них не было Шидуна, который раньше тратил деньги и нанимал людей на жатву. В прошлые годы, как бы ни был занят Шидун торговлей, он всегда возвращался на время страды, сам убирал весь хлеб и только потом уезжал. Остальным членам семьи и беспокоиться не приходилось — они только помогали сушить готовое зерно. Всё остальное время Шидун вкалывал от рассвета до заката...

В этом году они пожалели денег на наемных рабочих. Хотя три акра земли они продали, у них оставалось еще двенадцать акров. С начала года работа на этой земле стала для них каторгой — и сеять было трудно, и убирать не легче!

Оба сына и невестка с детства тяжелого труда не знали, так что в поле вкалывали только Пингуй с женой. Возвращаясь домой, они заставляли холодную печь — в доме даже глотка горячей воды не было приготовлено.

Во время жатвы Пингуй заставлял сыновей работать, но старая бабка Чэн подняла крик: мол, младший внук — ученый, ему к экзаменам готовиться надо, нечего ему с «грязными мужиками» в поле спину гнуть.

В итоге, когда вся деревня уже почти закончила уборку, на полях Чэнов колос еще стоял нетронутым.

Тогда Пингуй впал в ярость: «Не пойдете в поле — не получите еды! Пусть хлеб гниет, подохнем все с голоду, и дело с концом!»

Только тогда бабка притихла. Семья, еле двигаясь, кое-как закончила жатву, но когда соседи уже засыпали сухое зерно в закрома, у Чэнов оно еще лежало влажным. И вот — гроза. Они не успели вовремя собрать зерно, и оно промокло под дождем.

В такую жару мокрая пшеница в кучах моментально перегревается и начинает прорастать. Если дождь затянется и на завтра, весь их годовой урожай пойдет прахом.

Пингуй смотрел на мокрое зерно с нескрываемым гневом — если бы убрали раньше, ничего бы не случилось. Но о позоре внутри семьи Чэн посторонним знать не полагалось...

Вэй Цю и Шинань под зонтом неспешно шли домой. Вэй Цю бережно прижимал к себе дыню, которую дала ему бабушка Мэн — очень тяжелую и сладкую. Дома они первым делом приняли горячий душ, а затем уселись на кан вытирать друг другу волосы. За окном ливень становился всё сильнее, тяжелые капли с шумом разбивались о черепицу...

— Это, наверно, самый сильный дождь в этом году? — спросил Вэй Цю, уплетая дыню с взлохмаченной головой.

Шинань аккуратно промокал его волосы полотенцем, рассеянно поддакивая.

— Попробуй, какая сладкая! Я раньше таких дынь не видел.

Шинань наклонился и откусил кусочек: — Да, очень сладкая. Я тоже таких не встречал, дедушка Мэн когда-то давно выкопал рассаду в лесу. В деревне только у них такая растет.

— О!

— Если нравится, сохрани семена. Попробую посадить.

— Правда? Она приживется?

— Ну... попробуем!

Весь вечер они просидели на кане, изучая семена и гадая, как их лучше посадить. В итоге Вэй Цю торжественно поручил этот «великий план» Шинаню, а сам упорхнул готовить ужин. На ужин Шинань заказал домашнюю лапшу с густым мясным соусом. Когда лапша была готова, они не пошли в парадную комнату, а устроились прямо у печи, аппетитно прихлебывая из мисок.

Ночь сгущалась, ливень и не думал стихать. Ветер шумел листвой во дворе. В мерцающем свете свечи Вэй Цю прижался к Шинаню. Под шум дождя и ветра его клонило в сон.

Днем, как только они легли, погода начала меняться, и поспать не удалось. Сейчас через щелочку в окне задувал прохладный ветерок, в комнате было свежо, и Вэй Цю уже не жаловался на «жар» от тела мужа. Он уютно устроился прямо на Шинане.

Обычно-то он старался держаться от него подальше — Шинань был как печка, а Вэй Цю не выносил перегрева и не давал себя обнимать. Даже если Шинань пытался притянуть его во сне, Вэй Цю частенько «отбивался» спросонья.

Оставшись без возможности обнимать во сне своего «ароматного и мягкого» мужа, Шинань поначалу копил обиду, но ради крепкого сна Вэй Цю терпел. Правда, перед сном он обязательно затевал какую-нибудь возню, от которой Вэй Цю краснел до кончиков ушей, но, не в силах отказать, во всем ему потакал.

На следующий день в полдень Вэй Цю, потирая поясницу, встал готовить еду, втихомолку ругая виновника своей усталости. Дождь шел до середины ночи, а утром еще немного моросило. Шинань ушел из дома ни свет ни заря...

Почва напиталась влагой, и он решил расчистить небольшой клочок земли рядом с пшеничным полем, чтобы посадить бобы. Пока земля влажная, бобы взойдут быстро.

В обед Вэй Цю отправился в поле вместе с мужем — помогал бросать семена в лунки. Последующие два дня они трудились не покладая рук, высадили батат, и полевые работы постепенно сошли на нет.

Теперь Шинань лишь изредка заглядывал на рисовое поле выполоть сорняки. В этом году дождей было вдоволь, и воды рису хватало. После сильных ливней в августе даже приходилось отводить лишнюю воду — ручей так разлился, что заливал поля...

Во время недавнего паводка в поле даже намыло мелкую горную рыбешку. Шинань наловил тех, что покрупнее, и принес домой. Вэй Цю приготовил из них «острую рыбу в котелке» (Хого-юй). Пряная, нежная рыба под домашнее сливовое вино — вечером под финиковым деревом, обдуваемые прохладным ветерком, они пировали с огромным удовольствием.

Правда, ели они это острое блюдо несколько дней подряд, пока у обоих на губах не выскочили «пузырьки» от перегрева. Пришлось потом несколько дней пить чай из жимолости, чтобы «сбить внутренний жар»...

Наступил восьмой месяц, близился праздник Середины осени. Вэй Цю, сидя дома, решил сам испечь лунные пряники — юэбины. После бесчисленных попыток он признал поражение. Неудачными образцами он так закармливал Шинаня, что тот, едва завидев в руках мужа форму для выпечки, тут же разворачивался и уходил.

Надо сказать, что Шинань всегда слепо верил в кулинарный талант Вэй Цю — для него не было ничего, что его Цю-цю не смог бы приготовить вкусно! Ровно до того момента, пока он не встретил эти юэбины.

Теперь он даже на обычную домашнюю лапшу смотреть не мог, если она хоть отдаленно напоминала ему о муке!

Вэй Цю: «...Да ладно тебе, не так уж всё и плохо...»

<http://bllate.org/book/17091/1600528>